

С. Г. ЧУДНОВСКИЙ

<«...Живой Колчак является... наркотиком для возбуждения контрреволюции»>

В первых числах февраля 1920 г. Иркутску угрожала опасность со стороны наступающих каппелевских и других белогвардейских банд. В самом Иркутске было огромное количество враждебных Советской власти элементов. Состояли они преимущественно из бежавших из разных мест Сибири контрразведчиков и охранников. В тюрьме сидела вся головка бывшего «правителя всей России» вместе с самим «правителем» Колчаком.

Контрреволюционеры окрылились и стали готовиться к активному выступлению.

Материалы, захваченные при обысках, указывали на существование в Иркутске подпольной белогвардейской организации, которая поставила себе задачей освободить Колчака и объединить вокруг него остатки разбитых белых армий. Оценивая всю важность разработки материалов, касающихся Колчака и его правительства, следственная комиссия вела подробнейший допрос самого Колчака, Пепеляева и других. Необходимо было выявить полную картину деятельности бывших правителей и судить Колчака открытым народным судом.

Допрос Колчака продолжался до 5 февраля 1920 г. В этот день стало известно, что не только иркутская контрреволюция добивается освобождения Колчака, но что этого добивается и Войцеховский, он требует, чтобы ему выдали Колчака, Пепеляева и других, грозя в противном случае начать громить Иркутск.

После допроса арестованных видных контрразведчиков стало ясно, что живой Колчак является чем-то вроде приманки или даже наркотиком для возбуждения контрреволюции.

...Считая положение опасным, я доложил об этом председателю революционного комитета т. Ширямову, причем очевидна была необходимость немедленно же расстрелять руководящую головку контрреволюции — человек около двадцати. Ответом на попытки

контрреволюции должна быть решительная расправа со всеми теми, вокруг которых бандиты предполагали объединиться.

Это предположение было передано ревкому для обсуждения. Пока же дано было распоряжение принять все меры к тому, чтобы не допустить возможности побега Колчака из тюрьмы и иметь надежную часть для эвакуации, в случае необходимости, Колчака в тыл.

В течение всего дня 6 февраля слышны были глухие отзвуки дальней орудийной стрельбы. Поступали сведения, что Войцеховский близко подходит к станции Иннокентьевская. Приходилось чуть ли не ежечасно проверять караулы в тюрьме и тщательно осматривать прилегающие к тюрьме кварталы. В тюремных коридорах было установлено дежурство дружин.

...6 февраля Революционный комитет передал мне постановление о расстреле Колчака и Пепеляева. Поздно ночью я отправился в тюрьму, чтобы выполнить приказ ревкома. Со стороны Иннокентьевской слышны были выстрелы. Иногда они казались совсем близко. Весь город замер. Осмотрев посты и убедившись, что на постах стоят свои люди, лучшие дружинники, я направился в одиночный корпус и открыл камеру Колчака.

...«Правитель» стоял недалеко от двери, одетый в шубу и папаху. Видимо, Колчак был наготове, чтобы в любую минуту выйти из тюрьмы и начать «править». Я прочел ему приказ ревкома. После этого ему одели наручники.

— А разве суда не будет? Почему без суда?

По правде сказать, я был несколько озадачен таким вопросом. Удерживаясь, однако, от смеха, я сказал:

— Давно ли вы стали сторонником расстрела только по суду?

Передав Колчака конвою, я отправился в верхний этаж, где находился Пепеляев.

Пепеляев сидел на своей койке и тоже был одет. Это еще больше убеждало, что «правители» с минуты на минуту ждали своего освобождения. Увидев вооруженных людей в коридоре, Пепеляев побледнел и затрясся. Противно было смотреть на эту громадную тушу, которая тряслась, как студень. Ему был объявлен приказ.

— Меня расстрелять... за что, — проговорил он, зарывав, и вслед за тем быстро-быстро выпалил следующее, видимо, заранее подготовленное заявление: «Я уже давно примирился с существованием Советской власти, я все время стремился просить, чтобы меня использовали на работе и приготовил даже прошение на имя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, у которого прошу меня помиловать и очень прошу меня не расстреливать до получения ответа от ВЦИКа».

Взяв у него бумагу и передав кому-то из стоящих около дверей товарищей, кажется, моему секретарю Сергею Мосину, я сказал Пепеляеву:

— Приказ ревкома будет исполнен, что касается просьбы о помиловании, то об этом надо было подумать раньше.

Пепеляев, рыдая, продолжал бессвязно бормотать что-то насчет своей ошибки в жизни, недостаточности учета обстановки. Я передал его конвою.

Захватив внизу Колчака, мы направились в тюремную контору. Пока делались распоряжения о выделении 15 человек из дружины, охранявшей тюрьму, доложили, что Колчак желает обратиться ко мне с какой-то просьбой.

— В чем дело?

— Прошу дать мне свидание с женой... Собственно не с женой, — поправился он, — а с княжной Темирёвой.

— Какое же вы имеете отношение к Темирёвой?

— Она очень хороший человек, — отвечает мне Колчак. — Она заведывала у меня мастерскими по шитью солдатского белья.

Хотя окружающая нас обстановка не располагала к шуткам и смеху, но после слов Колчака никто из товарищей не мог удержаться — все расхохотались¹.

— Свидания разрешить не могу, — говорю Колчаку. — Желаете ли вы еще о чем-нибудь попросить?

— Я прошу сообщить моей жене, которая живет в Париже, что я благословляю своего сына.

— Сообщу.

Рядом с Колчаком сидел Пепеляев, который продолжал рыдать. Наконец он поднялся с места и дрожащей рукой передал мне записку, в которой нетвердым почерком было написано обращение к матери и еще к кому-то с просьбой благословить его на смерть и не забыть «своего Виктора». Подавая записку, Пепеляев что-то залепетал, но понять его было совершенно невозможно.

— Хорошо, записку передадим.

Не прошло и минуты, как прибежал товарищ и спросил, можно ли разрешить Колчаку закурить трубку. Я разрешил. Товарищ ушел, но вскоре вернулся обратно, бледный, как смерть.

— В чем дело? — спрашиваю. Не дожидаясь ответа, я как-то инстинктивно бросился в комнату, где находились Колчак и Пепеляев. Вижу, один из конвоиров держит в руках носовой платок и показывает то на Колчака, то на платок. Я взял платок и начал его ощупывать. Оказалось, что в одном из углов платка завязано что-то твердое, продолговатое, на ощупь напоминающее пулю к револьверу системы Браунинга малого калибра. Колчак сидит бледный, трубка в зубах трясется. Я развязал узел и вынул маленький капсульт с какой-то белой начинкой. Нетрудно было догадаться, что Колчак хотел отравиться.

Все формальности, наконец, закончены. Выходим за ворота тюрьмы. Мороз 32–35°. Ночь светлая. Тишина мертвая. Только изредка со стороны Иннокентьевской раздаются отзвуки отдаленных орудийных и ружейных выстрелов. Разделенный на две части конвой образует круги, в середине которых находятся: впереди Колчак, а сзади Пепеляев, нарушающий тишину молитвами.

В 4 часа утра мы пришли на назначенное место. Выстрелы со стороны Иннокентьевской слышатся все яснее, все ближе. Порой кажется, что перестрелка происходит совсем недалеко. Мозг сверлит мысль: в то время, когда здесь кончают свою подлую жизнь два бандита, в другой части города, быть может, контрреволюция делает еще одну попытку к погрому мирного трудящегося населения. И именно потому, что знаешь, что кровавое дело Колчака еще где-то продолжает тлеть, не терпится, и винтовки как-то сами устанавливаются в руках так, чтобы произвести первый выстрел.

Раньше, чем отдать распоряжение стрелять, я в нескольких словах разъяснил дружинникам сущность и значение этого момента.

Но вот все готово. Отдано распоряжение. Дружинники, взяв ружья наперевес, становятся полукругом.

На небе полная луна: светло, как днем.

Мы стоим у высокой горы, к подножью которой примостился небольшой холм. На этот холм поставлены Колчак и Пепеляев. Колчак — высокий, худощавый, типа англичанина, его голова немного опущена. Пепеляев же небольшого роста, толстый, голова втянута как-то в плечи, лицо бледное, глаза почти закрыты: мертвец да и только.

Команда дана. Где-то далеко раздался пушечный выстрел, и в унисон с ним, как бы в ответ ему, дружинники дали залп. На всякий случай еще один.

Приказ ревкома выполнен. Расстрел Колчака и Пепеляева ускорила контрреволюция своими выступлениями, поэтому яма не была приготовлена.

— Куда девать трупы, — спрашивают начальник дружины и комендант тюрьмы.

Не успел я ответить, как за меня почти разом ответили все дружинники.

— Палачей сибирского крестьянства надо отправить туда, где тысячами лежат ни в чем неповинные рабочие и крестьяне, замученные колчаковскими карательными отрядами... В Ангару их.

И трупы были спущены в вырубленную дружинниками прорубь².

Так закончили свой контрреволюционный путь «правитель» Колчак и его первый министр Пепеляев.

